

УДК 821.111

ОБРАЗ ПАРИЖА В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА ГЕНРИ МИЛЛЕРА

Н.А. КАЗАЧЕНОК

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)

Рассматривается образ Парижа в творчестве американского писателя Генри Миллера (Henry Miller, 1891 – 1980). Г. Миллер через писательство познавал себя, свое истинное «я». Он видел в Европе спасение, и стремился попасть в Париж. «Тропик рака» – произведение, события которого происходят в Париже. Перед читателем предстает город, который автор ощущает физически. В «Нексусе» Г. Миллер подробно описывает, как в нем зарождалась любовь к Европе, какие мысли посещали героя перед тем, как отправиться в путь – перед собственным преображением. В парижской атмосфере, описанной в «Тихие дни в Клиши», таилась средневековая магия, которую Г. Миллер чувствовал, прогуливаясь по улицам города. Образ Парижа – важная составляющая творчества писателя, т.к. этот город полностью изменил его жизнь.

В предисловии к книге «Мой друг Генри Миллер», автором которой является Альфред Перле, сам Миллер рассказывает о том, как его «забросило» в Париж из Бруклина и как ему удавалось быть «ветераном улицы» [6, с. 2]. В то время в Париже для Миллера и его друга Перле главным образом интересовало одно – писательство: «Писательство было величиной постоянной – как климат» [6, с. 2]. Они помогали друг другу существовать в этом городе, делились последним – едой и деньгами.

А. Аствацатуров в книге «Генри Миллер и его «парижская трилогия»» утверждает, что художественное творчество писателя представляет собой в первую очередь поиск жизни и подлинного «я» [1, с. 153]. А. Нин отмечает, что Миллера невозможно понять по одному из его произведений, поскольку он везде разный, и ни один образ не отражает настоящего Генри: «Есть Миллер «Тропиков», есть Миллер «Распятия Розы», есть Миллер поздних мини- и макроэссе» [6, с. 8]. Для А. Перле Миллер – это человек, у которого нет внутренних проблем, кроме «мелких житейских», с которыми он и сталкивался в парижские дни.

Перле утверждает, что после Первой мировой войны Париж был «неоспоримым» литературным и культурным мировым центром: «Париж был наводнен любителями искусства и литераторами со всего света, распознавшими в этом городе артистическое чрево, в котором жирели культурные эмбрионы обоих полушарий» [6, с. 12]. По мнению автора книги «Мой друг Генри Миллер», французы там находились лишь для декорации. В эту «Вавилонскую башню», как называет Перле Париж, в 1930 году приехал и Генри Миллер: «Он сразу же пустил корни в Париже» [6, с. 12]. По мнению Г. Миллера, только в Париже художник может выразить себя в полной мере, не потеряв чувства собственного достоинства. Автор «Тропиков» приходит к следующему выводу: «Значит, надо обосноваться в Париже, выучить французский и стать французом. Но главное – писать!» [6, с. 15].

Г. Миллер и А. Перле уже встречались и до 1930 года, однако в тот год их встреча в одном из монпарнасских кафе была судьбоносной. А. Перле тогда помог автору «Тропика Рака» с «декорациями» для этой книги. Для Г. Миллера было достижением жить в Париже, где у него была крыша над головой и возможность каждый день просыпаться с радостными мыслями.

В 1934 году парижское издательство «Обелиск Пресс» опубликовало книгу Генри Миллера «Тропик Рака» (*Tropic of cancer*). В предисловии к ней В. Канторин пишет об авторе произведения: «Он много путешествовал по Америке. В начале двадцатых – ему было уже за тридцать – оказался в Париже» [5, с. 7]. Д.С. Петров в диссертации «Роман Генри Миллера «Тропик рака» и европейский сюрреализм», говоря о Париже, подчеркивает: «Именно здесь Миллер нашел благоприятную атмосферу для продолжения творческих поисков» [7].

В романе Г. Миллер описывает жизнь бедного американского парня, приехавшего в Париж: «Это уже моя вторая осень в Париже. Я никогда не мог понять, зачем меня сюда принесло»¹ [5, с. 9]. Для него Париж – это дешевые комнаты Монпарнаса, поскольку его «тошнило от соборов, площадей, зоологических садов и прочей дребедени»² [5, с. 36]. Он живет в мире, где «засыпан евреями, как снегом», а «жратва» – это единственное, что доставляло ему «ни с чем несравнимое удовольствие»³ [5, с. 45]. Па-

¹ It is now the fall of my second year in Paris. I was sent here for a reason I have not yet been able to fathom [10, p. 8].

² Fed up with cathedrals and squares and menageries and what not [10, p. 19].

³ Food is one of the things I enjoy tremendously [10, p. 8].

риж казался герою веселым пиром, где он, нищий и растерянный, неприкаянно бродил по улицам: «Зажав бутылку между ног и подставив лицо солнцу, плещущему в окно, я снова переживаю прелесть тех первых тяжелых дней, когда я попал в Париж»⁴ [5, с. 16]. Генри ощущал этот город «физически» и был уверен, что «Париж подобен щипцам, которыми извлекают эмбрион из матки и помещают в инкубатор. Париж – это колыбель для искусственно рожденных. ...Все когда-то жили здесь. Никто не умирал в Париже...»⁵ [5, с. 45]. Для доказательства этой мысли он приводит знаменитых писателей, добившихся успеха в этом городе, оставляя за собой надежду на успех. Его отношение к Парижу отражает жажду к жизни и творческим порывам, поскольку этот город обладает энергией.

«Тропик козерога» (*Tropic of Capricorn*, 1939) представляет собой последнюю «парижскую» часть трилогии Миллера. В романе писатель повествует о том, как впервые ему пришлось переосмыслить свои представления о Европе. Слушая рассказы своего друга о европейских приключениях, автор «Тропиков» восклицает: «Как жадно я внимал! Мельчайшая подробность о другом мире зачаровывала меня. Даже теперь, спустя годы, даже теперь, когда Париж для меня открытая книга, его картины Парижа все еще стоят у меня перед глазами»⁶ [4, с. 21]. Образ Парижа из рассказов его друга производит огромное впечатление, и когда Миллер, будучи уже там, проезжает по улицам Парижа, он часто видит тот самый нарисованный его другом образ.

Париж для Г. Миллера описан как глоток свободы, который он обрел после Америки: «Может, Америка тут и ни при чем, но факт остается фактом: я не раскрыл глаз широко, полно и ясно, пока не столкнулся с Парижем»⁷ [4, с. 21]. Он открыл для себя в этом городе то, чего не мог найти в Америке, от которой желал отречься.

Только в 1960 году читатель подробнее узнает, как и почему Г. Миллер начинает всерьез задумываться о переезде в Европу. В романе «Нексус» (*Nexus*) Вэл, от лица которого ведется повествование, описывает свое предвкушение, открывая насколько сильно им завладела мысль о Европе: «В мыслях я уже шагал по европейским улицам, болтал с прохожими, сидел в переполненном кафе под открытым небом, потягивая вино»⁸ [2, с. 87]. Он чувствует, что там он сможет себя выразить, а художники, бродяги и мечтатели, которых он там встретит, поймут его. Мысли о предстоящей поездке забирают все силы, поскольку в эти минуты он полностью отдается ощущениям и жажде перемен.

Г. Миллер восхищенно вслушивается в каждое слово своей жены, которая только вернулась из Парижа: «Вэл, поверь, о таком ты мечтал всю жизнь. Там твое настоящее место. Быть там тебе важнее, чем мне. Все то, что ты мучительно искал и не находил здесь, есть в Европе. Все»⁹ [2, с. 157]. Он сгорает от нетерпения увидеть своими глазами «узкие и извилистые» парижские переулки, авеню и «книжные развалы». Миллер называет Париж «земным раем», показывая тем самым, какие надежды он возлагает на этот город. Даже бедность в том городе, по его представлениям, отдавала романтическими нотками.

«Если мы только стронемся с места, то я никогда больше не вернусь сюда. Хочу забыть, что я здесь родился. Хочу пребывать в вечном движении, скитаться, блуждать по свету»¹⁰, – так звучали его порывы, так сильно ему хотелось уехать из Америки, чтобы увидеть весь мир [2, с. 188]. Теперь для Миллера главное – это попасть в Европу: «Я представил себе парижские каштаны (конечно, в цвету) и маленькие столики (*les gueridons*) на открытых верандах кафе и разъезжающих парами полицейских на мотоциклах»¹¹ [2, с. 250]. Однако прежде чем покинуть Америку, герою необходимо закончить свой первый в жизни роман. Заканчивая работу, Миллер мысленно прогуливался по бульварам Парижа и практиковал французский язык: «Я мог побаловать себя, выдумав импровизированную беседу с парижанином»¹² [2, с. 252]. Для Вэла его импровизированный Па-

⁴ With that bottle between my legs and the sun splashing through the window I experience once again the splendor of those miserable days when I first arrived in Paris [10, p. 10].

⁵ Paris is simply an obstetrical instrument that tears the living embryo from the womb and puts it in the incubator. Paris is the cradle of artificial births... Everyone has lived here some time or other. Nobody dies here... [10, p. 17].

⁶ What a thirst I had! Every slightest detail about the other world fascinated me. Even now, years and years since, even now, when I know Paris like a book, his picture of Paris is still before my eyes, still vivid, still real [10, p. 45].

⁷ Perhaps America had nothing to do with it, but the fact remains that I did not open my eyes wide and full and dear until I struck Paris [11, p. 46].

⁸ I was already tramping the streets of Europe, chatting with passers-by, sipping a drink on a crowded terrace [8, p.51].

⁹ Val, it's what you've dreamed of all your life. You belong there. Even more than I. It has everything you are searching for and never will find here. Everything [8, p. 93].

¹⁰ Once we take off I want to stay away for good. I want to forget that I was ever born here. I want to keep moving, wandering, roaming the world [8, p. 111].

¹¹ So saying I thought of the chestnut trees (all in bloom now, no doubt) and of those little tables (*les gueridons*) on the crowded terraces of the cafe's, and of bicycle cops wheeling by in pairs [8, p. 147].

¹² I even indulged myself to the extent of carrying on an imaginary conversation with a Parisian [8, p. 148].

риж – «великолепный город», а парижане – «совершенны». Миллер страстно желает изменить свою жизнь, поскольку устал «вечно плестись позади всех». Ему необходимо полное преображение, достичь которого можно лишь отбросив прошлую жизнь и получив «освобождение»: «В Европе я обрету новое тело и новую душу»¹³ [2, с. 268]. Он верит, что Париж ждет его, однако понимает, что ожидания могут не оправдаться.

Повесть Г. Миллера «Тихие дни в Клиши» (*Quiet Days in Clichy*), опубликованная в 1956 году, знакомит читателя с подробностями его пребывания в столице Франции. Париж, который предстает перед читателем, способен «пробудить целый мир чувств и ассоциаций». Миллер называет этот город пасмурным и серым, однако оттенков, в которых он рисует Париж, настолько много, что видишь во всем парижском лишь живописные эффекты. Романтическое настроение преследует автора даже в дни, когда Миллер голоден: «Окинуть взглядом Сакр-Кер в день, подобный сегодняшнему, в час, подобный теперешнему, с любой точки на улице Лафит – одного этого мне было достаточно, чтобы раствориться в блаженстве»¹⁴ [3, с. 2]. Автор не останавливается на красивых городских видах, но рисует ту правду, которой живет Монмартр: «В Париже пасмурными днями я нередко оказывался в окрестностях Плас Клиши на Монмартре. Оттуда в сторону Обервилье тянется нескончаемая череда кафе, рестораничек, театриков, кинозалов, галантерейных лавок, отелей и борделей. ...Монмартр тускл, приземлен, беспризорен, откровенно порочен, продажен, вульгарен»¹⁵ [3, с. 3]. Г. Миллер проводит параллели с Америкой, открывая свое видение на Париж как на город, где хочется жить каждую минуту.

Г. Миллер знает в лицо каждого рабочего и посетителя «Кафе Веплер» на углу Плас Клиши. Он хорошо знаком со значимыми местами Монмартра, и может поведать читателю об особенностях парижских ночей: «В ночную пору Париж делается необъятным. Искусственное освещение скрадывает острые очертания домов и неприбранность улиц. Ночью, когда вы взираете на него с Монмартра, Париж раскрывает свою истинную магию; он – словно драгоценный камень, со дна хрустального кубка переливающийся всеми гранями»¹⁶ [3, с. 58]. Он чувствует умиротворение во время прогулок по улицам, во время которых на его пути возникают юные монахини или стадо коз. Его радует «аромат четырнадцатого столетия», который он ощущает в Париже.

В рассказе «Дьепп – Нью-Хэвен» (*Via Dieppe-Newhaven*) Г. Миллер высказывается, что лучше быть нищим в Париже, чем миллионером в Нью-Йорке. После того, как Г. Миллер не смог пройти паспортный контроль в Нью-Хэвене, и его отправили обратно в Париж, его обуяло чувство страха, что и французы его не пропустят обратно. Однако на деле все обернулось для него благополучно, несмотря на то, что французская виза у писателя была просрочена. Миллер вновь испытал счастье от общения с французами, которые не задают много ненужных вопросов, в отличие от негостеприимных англичан.

Связь Г. Миллера с Парижем проскальзывает во многих произведениях автора, подчеркивая важность прожитых лет в этом городе. А. Перле в книге «Мой друг Генри Миллер» пишет, что Париж был для Миллера домом: «Париж стал его духовной родиной. Мысль о том, что когда-нибудь ему придется вернуться в Америку, была для него сущим кошмаром. В Париже он обследовал каждый квартал – как в фешенебельных районах, так и в глухих трущобах» [6, с. 59]. А. Перле называет блуждания друга по парижским трущобам «экспедициями», а самого Миллера – самым чистым, радостным и бескорыстным человеком, которого притягивала противоположность. «Он знал лишь самые занюханые, самые дешевые ночлежки Монпарнаса. Зачастую он проводил там только одну ночь, а иногда и ночи не выдерживал, потому что клопы гнали его на улицу задолго до рассвета», – так выглядела жизнь Миллера по словам Альфреда Перле [6, с. 66].

Автор «Тропика» видел в Париже свое освобождение и свободу выражать мысли, которые его съедали изнутри, поскольку возможности их «выплеснуть» у него в Америке не было. До приезда в столицу образ города, который он себе представлял, был вроде сюжета из кинофильма, режиссером которого был сам Миллер. Поездка в Европу была для писателя чудом, которое изменило всю его жизнь, открыла в нем истинного писателя. Проживая жизнь в парижских трущобах, Миллер пребывал в поистине творческом расположении духа. Он был убежден, что умиротворение парижской атмосферы было тем, к чему писатель всегда стремился, что обрел и боялся потерять.

¹³ Once we reached Europe I would grow a new body and a new soul [8, p. 158].

¹⁴ Looking towards the Sacré Cœur from any point along the Rue Laffitte on a day like this, an hour like this, would be sufficient to put me in ecstasy. It has had that effect upon me even when I was hungry and had no place to sleep [9, p. 1].

¹⁵ On a grey day in Paris I often found myself walking towards the Place Clichy in Montmartre. From Clichy to Aubervilliers there is a long string of cafés, restaurants, theatres, cinemas, haberdashers, hotels and bordels. ... Montmartre is worn, faded, derelict, nakedly vicious, mercenary, vulgar [9, p. 1].

¹⁶ At night Paris becomes magnified. The illumination, softer from above, lessens the cruelty and sordidness of the streets. At night, from Montmartre, Paris is truly magical; it lies in the hollow of a bowl like an enormous splintered gem [9, p. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аствацатуров, А. Генри Миллер и его парижская трилогия / А. Аствацатуров. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 344 с.
2. Миллер, Г. Нексус / Г. Миллер. – М. : АСТ, 2004. – 280 с.
3. Миллер, Г. Тихие дни в Клиши / Г. Миллер. – М. : Астрель, 2011. – 352 с.
4. Миллер, Г. Тропик козерога / Г. Миллер. – М. : Азбука-Аттикус, 2016. – 186 с.
5. Миллер, Г. Тропик рака / Г. Миллер. – СПб. : Библиотека Звезды, 1992. – 317с.
6. Перле, А. Мой друг Генри Миллер / А. Перле. – М. : Азбука, 2003. – 352 с.
7. Петров, Д. С. Роман Генри Миллера «Тропик Рака» и европейский сюрреализм [Электронный ресурс] / Д.С. Петров. – 2006. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/roman-genri-millera-tropik-raka-i-evropeiskii-surrealizm>. – Дата доступа: 06.10. 2016.
8. Miller, H. Nexus: The Rosy Crucifixion III / H. Miller. – France : Obelisk Press, 1960. – 316 p.
9. Miller, H. Quiet Days in Clichy / H. Miller. – United Kingdom : Penguin UK, 2016. – 80 p.
10. Miller, H. Tropic of Cancer / H. Miller. – London : A Flamingo Modern Classic, 1993. – 159 p.
11. Miller, H. Tropic of Capricorn / H. Miller. – London : An Imprint of Harper&Collins Publishers, 1993. – 216 p.